

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОСМЭН

РУССКИЕ

КЛАССИКИ

Евгений Шварц

СКАЗКИ





Евгений Шварц

СКАЗКИ



МОСКВА
РОСМЭН
2013





НОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КОТА В САПОГАХ

Однажды Кот в сапогах пришёл к своему хозяину, которого звали Карабас, и говорит ему:

- Я уезжаю!
- Это почему же? – спрашивает Карабас.
- Я стал очень толстый, – отвечает Кот в сапогах. – Мне по утрам даже трудно сапоги надевать. Живот мешает. Это оттого, что я ничего не делаю.
- А ты делай что-нибудь, Котик, – говорит ему Карабас.
- Да ведь нечего, – отвечает Кот в сапогах. – Мышей я всех переловил, птиц ты трогать не позволяешь. До свиданья!



— Ну что ж, — сказал Карабас. — Ну, тогда до свиданья, дай лапку. Ты вернёшься?

— Вернусь, — ответил Кот в сапогах и пошёл в прихожую.

В прихожей он нашёл коробочку гуталина, выкатил её из-под шкафа, открыл, почистил сапоги и отправился в путь.

Шёл он день, шёл два и дошёл до самого моря. И видит Кот — стоит у берега большой, красивый корабль.

«Хороший корабль, — подумал Кот. — Не корабль, — подумал Кот, — а картинка! Если на этом корабле ещё и крысы есть, то это просто прелесть что такое!»

Вошёл Кот на корабль, отыскал на капитанском мостике капитана и говорит ему:

— Здравствуй, капитан!

Капитан посмотрел на Кота и ахнул:

— Ах! Да это никак знаменитый Кот в сапогах?

— Да, это я, — говорит Кот. — Я хочу на вашем корабле пожить немного. У вас крысы есть?

— Конечно, — говорит капитан. — Если корабль плохой, то крысы с корабля бегут. А если корабль хороший, крепкий, они так и лезут — спасенья нет.

Услышав это, Кот снял поскорее сапоги, чтобы потише ступать, отдал их капитану и побежал вниз. Капитан за ним. Кот вбежал в капитанскую каюту, постоял, послушал — и вдруг как прыгнет в буфет! Буфет затрясся, загрохотал, задребезжал.





— Батюшки, да он всю мою посуду перебьёт! — закричал капитан.

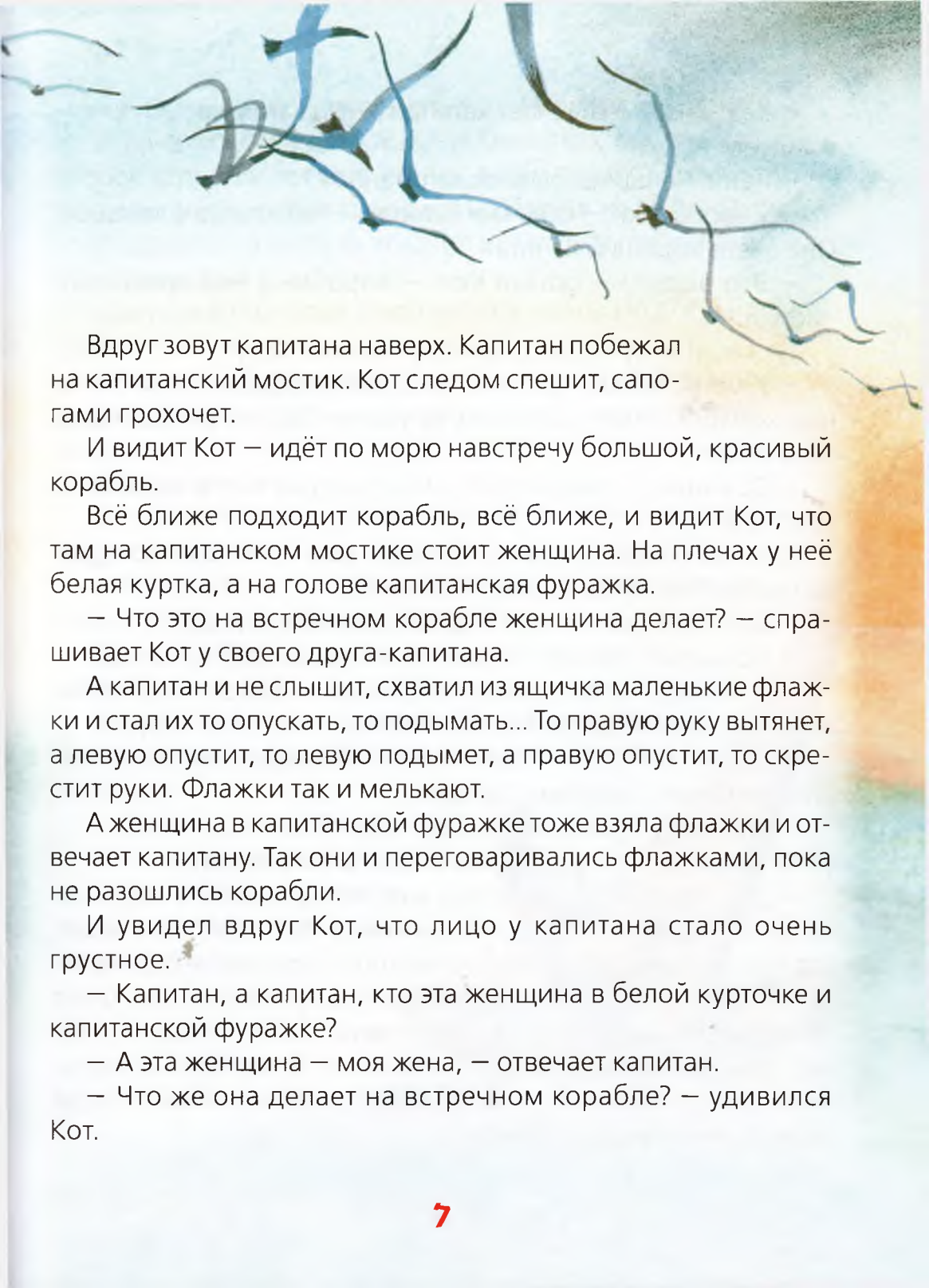
Не успел он после этих слов и глазом моргнуть, как вылезает Кот обратно из буфета и тащит за хвосты четырнадцать штук крыс.

Уложил их рядом и говорит капитану:

— Видал? А всего только одно блюдечко и разбил.

И с этого началась у Кота с капитаном дружба. И не только с капитаном — стал Кот для всего корабля самым дорогим гостем. Очень полюбили его все моряки — так он замечательно крыс ловил. Прошло дней пять — и почти перевелись на корабле крысы.

Вот однажды сидел капитан у себя в каюте и угощал Кота сбитыми сливками.



Вдруг зовут капитана наверх. Капитан побежал на капитанский мостик. Кот следом спешит, сапогами грохочет.

И видит Кот — идёт по морю навстречу большой, красивый корабль.

Всё ближе подходит корабль, всё ближе, и видит Кот, что там на капитанском мостике стоит женщина. На плечах у неё белая куртка, а на голове капитанская фуражка.

— Что это на встречном корабле женщина делает? — спрашивает Кот у своего друга-капитана.

А капитан и не слышит, схватил из ящичка маленькие флажки и стал их то опускать, то поднимать... То правую руку вытянет, а левую опустит, то левую подымет, а правую опустит, то скрестит руки. Флажки так и мелькают.

А женщина в капитанской фуражке тоже взяла флажки и отвечает капитану. Так они и переговаривались флажками, пока не разошлись корабли.

И увидел вдруг Кот, что лицо у капитана стало очень грустное.

— Капитан, а капитан, кто эта женщина в белой курточке и капитанской фуражке?

— А эта женщина — моя жена, — отвечает капитан.

— Что же она делает на встречном корабле? — удивился Кот.

— Как — что? — отвечает капитан. — Она этим кораблём командует.

— Разве женщины бывают капитанами?

— У нас бывают, — отвечает капитан. — Чего ты удивляешься? Она очень хороший капитан.

— Это видно, — сказал Кот. — Корабль у неё красивый, чистый.

Тут капитан чуть поморщился и говорит Коту:

— У меня, между прочим, тоже всё в порядке. Если бы ты наш корабль в море встретил, то увидел бы, что он тоже весь так и сияет.

— Да я знаю, — говорит Кот. — Но отчего же ты всё-таки такой грустный?

Капитан поморщился ещё больше, хотел ответить, но вдруг на мостик поднялся моряк и говорит:

— Капитан! Там вся команда собралась, вас ждёт.

— По какому поводу собрание? — спрашивает капитан.

— А мы видели ваш разговор с женой, очень за вас огорчились и хотим обсудить, как вам помочь.

Вздыхнул капитан и пошёл с капитанского мостика вниз. Кот следом бежит, сапогами грохочет.

Стоит внизу вся команда, ждёт капитана.

Объявил капитан собрание открытым и говорит:

— Да, товарищи, пришлось мне сегодня узнать грустные вещи: передала мне жена, что сын мой до того себя плохо ведёт, что просто ужас. Бабушку из-за него пришлось в дом отдыха отправить, дедушку в санаторий, а тётя чуть с ума не сошла. Живёт он сейчас на даче в детском саду и ведёт себя с каждым днём всё хуже. Что такое, почему — непонятно. Я хороший человек, жена тоже, а мальчик — видите какой. Разве приятно посреди моря такие новости узнавать?

— Конечно неприятно, — ответили моряки.

И начали обсуждать, как тут быть, как помочь капитану. Любой согласен поехать узнать, в чём дело с мальчиком, но у каждого на корабле своя работа. Нельзя же её оставить.

И вдруг Кот в сапогах вскочил на мачту и говорит:

— Я поеду.

Сначала его моряки стали отговаривать. Но Кот настоял на своём.

— Крыс, — говорит он, — я уничтожил, давайте мне другое дело — потруднее. Увидите — я всё там рассмотрю и налажу.

Делать нечего.

Спустили шлюпку, стали прощаться с Котом, лапку ему пожимать.

— Осторожнее, — говорит Кот, — не давите мне так лапку. Всего вам хорошего. Спасибо.

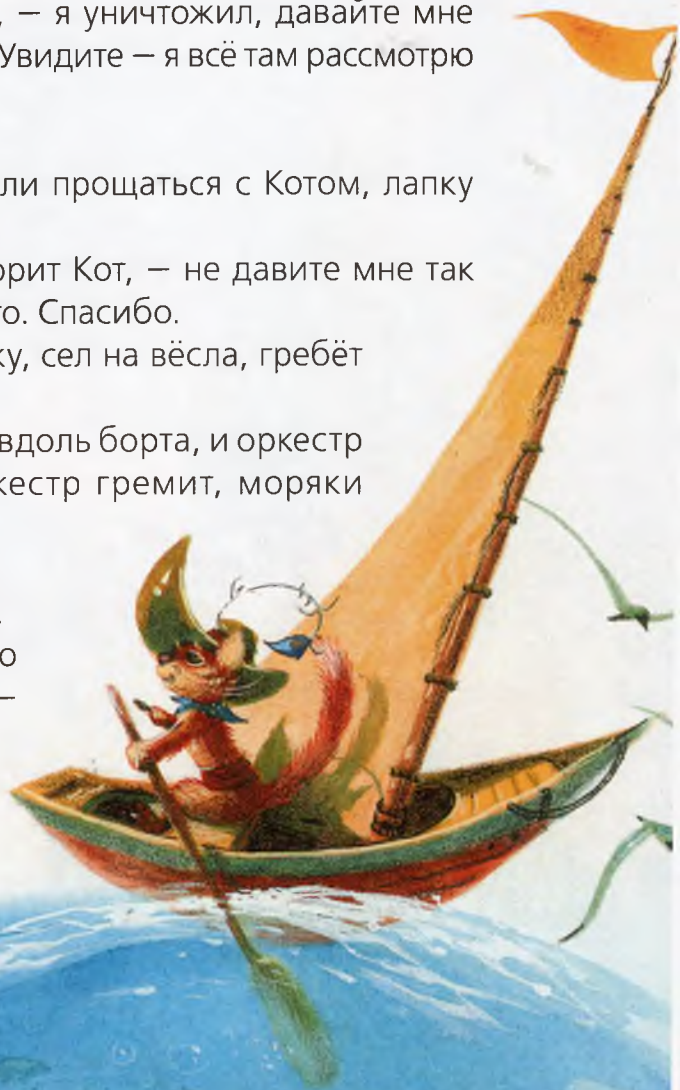
Спрыгнул Кот в шлюпку, сел на вёсла, гребёт к берегу.

Моряки выстроились вдоль борта, и оркестр выстроился рядом. Оркестр гремит, моряки кричат:

— До свиданья, Котик!

А он им лапкой машет.

— Не забудь, что моего сына зовут Серё-ё-ё-а-а! — кричит капитан.



— У меня записано-о! — отвечает Кот в сапогах.

— Через месяц наши корабли дома буду-у-ут! Мы с женой приедем узнать, что и ка-а-ак! — кричит капитан.

— Ла-адно-о! — отвечает Кот.

Вот всё тише музыка, всё тише, вот уже и не видно корабля. Пристал Кот в сапогах к берегу, сдал шлюпку сторожу на пристани, пошёл на вокзал, сел в поезд и поехал к Серёже на дачу.

Приехал он к Серёже на дачу. Пожил там день, пожил два, и все его очень там полюбили. С простым котом и то интересно: и поиграть с ним можно, и погладить его приятно.

А тут вдруг приехал Кот в сапогах!

Говорит по-человечьи. Сказки рассказывает.

Наперегонки бегают. В прятки играет. Воды не боится, плавает и на боку, и на спине, и по-собачьи, и по-лягушачьи.

Все подружились с Котом в сапогах.



А Серёжа, сын капитана, — нет. Начнёт, например, Кот сказку рассказывать, а Серёжа его за хвост дёргает и всё дело этим портит. Что за сказка, если через каждые два слова приходится мяукать.

— Жил-был... мяу... один мальчик... мяу...



И так всё время. Чуть что наладится, Серёжа уже тут — и всё дело губит.

На вид мальчик хороший, здоровый, румяный, глаза отцовские — ясные, нос материнский — аккуратный, волосы густые, вьются. А ведёт себя, как разбойник.

Уже скоро месяц пройдёт, скоро приедут Серёжины родители, а дело всё не идёт на лад. И вот что заметил Кот в сапогах.

Начнёт, скажем, Серёжа его за хвост дёргать. Некоторые ребята смеются, а сам Серёжа нет, и лицо у него невесёлое. Смотрит на Серёжу Кот в сапогах и кажется ему, что бросил бы Серёжа это глупое занятие, но не может. Сидит в нём какое-то упрямство.

«Нет, — думает Кот, — здесь дело неладное. Об этом подумать надо».

И вот однажды ночью отправился Кот на крышу думать.

Занимал детский сад очень большую дачу — комнат, наверное, в сорок. И крыша была огромная, с поворотами, с закоулками: ходишь по крыше, как по горам. Сел Кот возле трубы, лапки поджал, глаза у него светятся, думает. А ночь тёмная, луны нет, только звёзды горят. Тихо-тихо кругом. Деревья в саду стоят и листиком не шелохнут, как будто тоже думают. Долго сидел так Кот в сапогах. Заведующая Лидия Ивановна уж на что поздно спать ложится, но и та уснула, свет у неё погас в окне, а Кот всё думает.

Стоит дача большая, тёмная, только на крыше два огонька горят. Это светятся у Кота глаза.

И вдруг вскочил Кот в сапогах и насторожился. Даже зарычал он, как будто собаку почуял. Человеку бы ни за что не услышать, а Кот слышит: внизу тихо-тихо кто-то ворчит, ворчит, бормочет, бормочет. Снял Кот сапоги, положил их возле трубы, прыгнул

с крыши на высокий тополь, с тополя на землю и пополз неслышно кругом дома.

И вот видит Кот под окном той комнаты, где стоит Серёжина кровать, жабу. И какую жабу — ростом с хорошее ведро.

Глазищи жаба выпучила, рот распялила и бормочет, бормочет, ворчит, ворчит...

«Вот оно что! Ну, так я и знал», — подумал Кот.

Подкрался к жабе и слушает.

А жаба бормочет:

— Направо — болота, налево — лужа, а ты, Серёжа, веди себя похуже.

— Здравствуй, старуха, — сказал Кот жабе.

Та даже и не вздохнула. Ответила спокойно:

— Здравствуй, Кот, — и снова забормотала: — Когда все молчат, ты, Серёжа, кричи, а когда все кричат, ты, Серёжа, молчи.

— Ты что же это, старуха, делаешь? — спросил Кот.

— А тебе что? — ответила жаба и опять заворчала, забормотала: — Когда все стоят, ты, Серёжа, иди, а когда все идут, ты, Серёжа, сиди.

— Злая волшебница! — говорит Кот в сапогах жабе. — Я тебе запрещаю хорошего мальчика превращать в разбойника! Слышишь?



А жаба только хихикнула и опять заворчала, забормотала:

— Заговорит с тобою Кот, а ты ему, Серёжа, дай камнем в живот. Болота, трясины, лужи, веди себя, Серёжа, похуже.

— Жаба, — говорит Кот, — да ты, никак, забыла, что я за кот! Перестань сейчас же, а то я тебя оцарапаю.

— Ну ладно, — ответила жаба. — На сегодня, пожалуй, хватит.

Отвернувшись от окна, подпрыгнула, поймала на лету ночную бабочку, проглотила её и уселась в траве. Глядит на Кота, выпучив глазищи, и улыбается.

— Зачем тебе Серёжа понадобился? — спрашивает Кот.

Тут жаба раздулась, как телёнок, и засветилась зелёным светом.

— Ладно, ладно, не напугаешь, — говорит Кот. — Отвечай, зачем ты к мальчику привязалась.

— А очень просто, — говорит жаба. — Терпеть не могу, когда ребята дружно живут. Вот я и ворчу, бормочу себе тут потихоньку. Серёжа мой, наслушавшись, десять скандалов в день устраивает! Хи-хи!

— Чего ты этим добьёшься? — спрашивает Кот.

Тут жаба раздулась, как стол, и засветилась синим светом.

— Чего надо, того и добьюсь, — зашипела она. — Двадцать лет назад на этой даче в сорока комнатах два человека жили. Хозяин и хозяйка. Хозяйка была красивая, глаза выпученные, рот до ушей, зелёная, — настоящая жаба. Просто прелесть, какая милая. Полный день ворчит, кричит, квакает. Никого она на порог не пускала. Все сорок комнат им двоим. А сам хозяин ещё лучше был. Худой как палка, а злой, как я. Он и в сад заглянуть никому не позволял, кулак показывал всякому, кто только глянет через забор. Хорошо было, уютно. И вдруг — на тебе: двадцать лет назад пришли люди, выгнали хозяев! И с тех



пор не жизнь пошла, а одно беспокойство. Лужи возле забора были прелестные, старинные — взяли их да осушили. Грязь была мягкая, роскошная, а они мостовую проложили, смотреть не хочется. А в наши сорок комнат ребят привезли. Поют ребята, веселятся, танцуют, читают, и все так дружно. Гадость какая! Ведь если у них так дружно пойдёт, то мои хозяева никогда не вернутся. Нет, я на это не согласна!

— Ну ладно, — сказал Кот в сапогах. — Хорошо же, злая волшебница. Недолго тебе тут колдовать.

— Посмотрим! — ответила жаба, перестала светиться, сделалась ростом с ведро и уползла в подполье.

Полез Кот в сапогах обратно на крышу, надел сапоги и до самого утра просидел возле трубы. Всё думал: что же делать?

После завтрака вышел Серёжа в сад. Кот слез с крыши — и к нему. Серёжа схватил камень и запустил прямо Коту в живот. Хорошо, что Кот этого ждал, — увернулся и вскочил на дерево.

Уселся Кот на ветке и говорит Серёже:

— Слушай, брат, что я тебе расскажу. Ты ведь сам не понимаешь, кому ты служишь.

И рассказал он Серёже всё, что ночью видел и слышал. Рассказал и говорит:

— Серёжа, ты сам подумай, что же это получается? Выходит, что ты вместе с жабой за старых хозяев. Мы живём дружно, а ты безобразничаешь. Как же это так? Это хорошо?

И видит Кот по Серёжиным глазам, что он хочет спросить: «Котик, как же мне быть?»

Вот уже открывает Серёжа рот, чтобы это сказать... Вот сейчас скажет. И вдруг как заорёт:

— Хорошо, хорошо!

Побежал Серёжа после этого в дом, схватил планер, который ребята вместе с Котом склеили, и поломал его.

Тогда Кот подумал и говорит:

— Да-а, жаба-то, оказывается, довольно сильная волшебница.

Слез он с дерева, умыл как следует мордочку лапкой, усы пригладил, почистил сапоги и прицепил к ним шпоры.

— Война так война, — сказал Кот в сапогах.

После мёртвого часа позвал он всех ребят на озеро. На озере рассказал Кот ребятам всё, что ночью видел и слышал.

Ребята загудели, зашумели, один мальчик даже заплакал.

— Плакать тут нечего, — сказал Кот в сапогах. — Тут не плакать надо, а сражаться! Нужно спасти товарища. Мы должны дружно, как один, ударить по врагу. — И тут Кот ударил ногой о землю, и шпоры на его сапогах зазвенели.

— Правильно, правильно! — закричали ребята.

— Ночью я объявляю жабе войну, — сказал Кот. — Вы не спите, все, все со мной пойдёте!

Одна девочка — её звали Маруся — говорит:

— Я темноты боюсь, но, конечно, от всех не отстану.

А мальчик Миша сказал:

— Это хорошо, что сегодня спать не надо. Я терпеть не могу спать ложиться.

— Тише! — сказал Кот в сапогах. — Сейчас я научу вас, как нужно сражаться с этой злой волшебницей.

И стал Кот в сапогах учить ребят. Целый час они то шептались с Котом, то становились парами, то становились в круг, то опять шептались.

И наконец Кот в сапогах сказал:

— Хорошо! Идите отдыхайте пока.

И вот пришла ночь. Тёмная, ещё темнее прошлой.

Выполз Кот из дома. Ждал он, ждал, и наконец под окном заворчала, забормотала жаба. Кот к ней подкрался и ударил её по голове. Раздулась жаба, засветилась зелёным светом, прыгнула на Кота, а Кот бежать. А жаба за ним. А Кот на пожарную лестницу. А жаба следом. А Кот на крышу. А жаба туда же. Бросился Кот к трубе, остановился и крикнул:

— Вперёд, товарищи!

Крикнул он это, и над гребнем крыши показались головы, много голов — весь детский сад.

В полном порядке, пара за парой, поднялись ребята на гребень крыши, спустились вниз и опять поднялись на другой гребень, к трубе. Все они были без башмаков, в носках, чтобы не поднимать шума, чтобы от грохота железа не проснулась Лидия Ивановна.

— Молодцы! — сказал Кот ребятам.

А они взялись за руки и окружили Кота и жабу.

— Так! Правильно, — сказал Кот. — Очень хорошо!

А жаба смотрела на ребят, тяжело дышала и хлопала глазами. И всё росла, росла. Вот она стала большой, как стол, и засветилась синим светом. Вот она стала, как шкаф, и засветилась жёлтым светом.

— Спокойно, ребята! — сказал Кот. — Всё идёт как следует.

А Маруся на это ответила Коту:

— Это даже хорошо, что она светится, а то я темноты боюсь.

И Миша сказал:

— Да, хорошо, что светло, а то я чуть не уснул, пока ждали её.

И все ребята сказали:

— Ничего, ничего, мы не боимся!

— Не боитесь? — спросила жаба тихонько.



— Ну вот ни капельки! — ответили хором ребята.

Тогда жаба бросилась на них.

— Держитесь! — приказал Кот и, гремя шпорами, прыгнул вслед за жабой.

Ребята вскрикнули, но не расцепили рук. Туда и сюда бросалась жаба, и всё напрасно. Не разорвался круг, устояли ребята. Жаба прыгнет — они поднимут руки, жаба поползёт — они опустят.

Двигается круг ребят по крыше вверх-вниз, вниз-вверх, как по горам, но крепко сцеплены руки — нет жабе выхода.

— Петя! — командует Кот. — Держись! Она сейчас к тебе прыгнет! Так! Варя! Чего ты глазами моргаешь? Держитесь все, как один, как один! Пусть видит жаба, какие вы дружные ребята!

— Дружные! — шипит жаба. — Да я сама сегодня видела, как этот вот Миша дрался с этим вот Шурой!

И бросилась жаба вперёд, хотела проскочить между Мишей и Шурой, но не проскочила. Подняли они вверх крепко сцепленные руки, и отступила жаба.

— Держитесь! — шепчет Кот. — Я на крыше, как у себя дома, а она свежего воздуха не переносит. Она вот-вот лопнет от злости, и — готово дело — мы победим.

А жаба уже стала ростом с автобус, светится белым светом.

Совсем светло стало на крыше. И вдруг видит Кот: Серёжа сидит возле чердачного окна.

— Серёжа! — закричал Кот. — Иди к нам в круг!

Встал Серёжа, сделал шаг к ребятам и остановился. Жаба засмеялась.

— Серёжа! — зовёт Кот. — К нам скорее! Ведь мы же ради тебя сражаемся!

Пошёл было Серёжа к ребятам, но вдруг жаба громко свистнула, и в ответ на её свист что-то застучало, забилось, завозилось под крышей по всему чердаку.

— Вам нравится в кошки-мышки играть! — закричала жаба. — Так нате же вам ещё мышек! Получайте!

И тут из чердачного окна вдруг полетели летучие мыши. И прямо к ребятам. Огромная стая летучих мышей закружилась над головами.

Ребята отворачиваются, а мыши пищат, бьют их крыльями по лицу. Кот старается — машет лапками, но куда там! Будь он летучим котом, он мог бы ловить летучих мышей, но он был Кот в сапогах.

Серёжа постоял, постоял, прыгнул в чердачное окно и исчез.

Дрогнули ребята, расцепили руки. Побежали они в разные стороны, а летучие мыши полетели за ними. Ну что тут делать?

А жаба стала, как шкаф, потом — как бочонок, потом — как ведро. И бросилась она бежать от Кота через всю крышу огромными прыжками. Вот уйдёт совсем. Коту нельзя от жабы отойти, а ребята зовут его, кричат:

— Котик, Кот, помоги!

— Что будет? Что будет?

И вдруг яркий свет ударил из слухового окна. Загрохотало железо. На крышу выскочила заведующая Лидия Ивановна с лампой в руках, а за нею Серёжа. Бросилась она к ребятам.

— Ко мне! — кричит она. — Летучие мыши света боятся!

Не успели ребята опомниться — снова грохот, и на крышу выскакивают капитан — Серёжин отец и капитан — Серёжина мать. В руках у них электрические фонарики.

— Сюда! — кричат они. — К нам!



Летучие мыши испугались, поднялись высоко вверх и исчезли. А ребята бросились к жабе и снова окружили её кольцом, не дают ей бежать.

— Молодцы! — кричит Кот. — Правильно!

Стала жаба расти, сделалась она большая, как стол, потом — как шкаф, потом — как автобус, потом — как дом, и тут она наконец-таки — бах! — и лопнула. Лопнула, как мяч или воздушный шарик, ничего от неё не осталось. Кусочек только зелёной шкурки, маленький, как тряпочка.

После этого побежали все вниз, в столовую, зажгли свет, радуются, кричат.

Лидия Ивановна говорит:

— Ах, Кот в сапогах! Почему же вы мне ничего не сказали? Я вам так верила, а вы потащили ребят на крышу.

Кот сконфузился и закрыл морду лапками.

Тут капитан вступился.

— Ну ладно! — говорит он. — Жабу он всё-таки первый открыл. Представьте себе наше удивление. Как только корабли прибыли на родину, мы сели в машину и поскорей сюда. Смотрим, а тут на крыше целый бой. Нет, вы только подумайте! А где Серёжа?

— Он под столом сидит, — отвечает Лидия Ивановна. — Он стесняется. Ведь это он меня на крышу вызвал. Молодец!

Серёжа сначала крикнул из-под стола:

— Молодец-холодец!

Но потом вылез оттуда и говорит:

— Здравствуй, мама, здравствуй, папа! Да, это верно, это я Лидию Ивановну позвал.

Тут все ещё больше обрадовались. Никто никогда не слышал, чтобы Серёжа так мирно и спокойно разговаривал.

— Батюшки! Я и забыл! — вскричал капитан. Убежал он и вернулся с двумя свёртками. Развернул один свёрток, а там

сапоги высокие, красивые, начищенные, так и сияют, как солнце. — Это вся наша команда посылает тебе, Кот, подарок за твою хорошую работу.

А капитанша развернула второй свёрток. Там широкая красная лента и шляпа.

— А это от нашего корабля, — говорит капитанша. — Команда просила передать, что ждёт тебя в гости к нам.

Поглядел Кот на подарки и говорит:

— Ну, это уж лишнее.

Потом надел шляпу, сапоги, повязал ленточку на шею и час, наверное, стоял у зеркала, всё смотрел на себя и улыбался.

Ну а потом всё пошло хорошо и благополучно. Прожил Кот на даче с детским садом до самой осени, а осенью приехал со всеми ребятами в город и в Октябрьские дни ехал с ними мимо трибуны на грузовике. С трибуны кричат:

— Смотрите, смотрите, какая маска хорошая!

А Кот отвечает:

— Я не маска, я — настоящий Кот в сапогах.

Тогда с трибуны говорят:

— Ну а если настоящий, так это ещё лучше.





Сказка о потерянном времени

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё «успею» да «успею».

И вот однажды пришёл Петя Зубов в школу, как всегда, с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

— Кто меня зовёт?

— Это я, Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? — спрашивает тётя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов испугался и спрашивает:

— Тётя Наташа, что с вами?

— Как — что? — отвечает тётя Наташа. — Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросла у него окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткой лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:


— Мама! — и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает: «Ну уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.





Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает: «Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... А главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут — ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?»

Так Петя думал и шагал, шагал и думал и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.



«Хорошо бы отдохнуть», — подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.


Просыпается Петя — в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

— Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избе?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.


Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети и сами этого не заметили: ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.



Как быть?
Что делать?
Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович — главный из них — не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защёлкал на счётах.

Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь.



Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

— Господа волшебники! Знайте — ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

— Как? — воскликнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники.

Потом Ольга Капитоновна сказала:

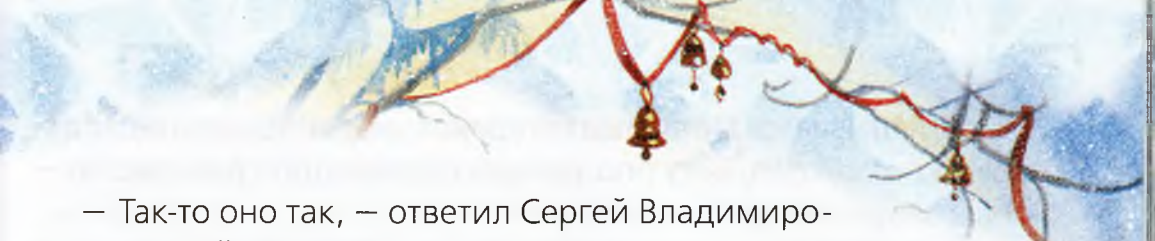
— Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

— Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются!



— Так-то оно так, — ответил Сергей Владимирович. — А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки — нам тогда и с места не сдвинуться. Ну а пока нечего время терять — идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождался Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов: идёт не спеша по улице старушка с большой корзиной.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, бабушка, вы не школьница?

— Что-что? — спросила старушка сурово.

— Вы не третьеклассница? — прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнётся на Петю корзиной. Еле Петя ноги унёс. Отдышался он немного — дальше пошёл. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики — скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают тротуар песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно — настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью — это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик — начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету — Петя ахнул от радости: «Пионерская правда!» — и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала на заснеженном тротуаре классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

— Бабушка! Вы школьница?

— Школьница, — отвечает старушка. — Ученица третьего класса Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только не заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детское кино, и в Дом занимательной науки, — пропал мальчик, да и только.

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажётся свет. Кончается день. Что делать? Неужели всё пропало?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развевается на ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажёгся на перекрёстке красный огонь, остановился трамвай. Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

— Ты школьник? — спрашивают.

— А как же? — отвечает он. — Ученик второго класса Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место:

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

— Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу, соскочили наши старики — и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, тёмная-тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику — боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч, и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на берёзу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:



– Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

– Они спят! – сказала Маруся.

– Тише! – прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и – раз, два, три – закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки.

– Поднимите меня! – закричал Петя. – Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом, и последнем, обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.





Два брата



Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте как вкопанные, но всё-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь.

Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперёд по лесу, и каждое дерево на своём участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него всё шло хорошо, а дома бед-

ного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил — братья ссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что ёлки к Новому году он им не устроит. За ёлочными украшениями надо ехать в город. Маму послать — её по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить. А вдвоём ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что не обидит Младшего и что дома всё будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даёшь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернёмся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три завтрака, три обеда и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принёс дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошёл хорошо. Второй — ещё лучше.

И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-морехода». И дошёл он до самого интересного места, когда появляется над кораблём птица Рок, огромная, как туча, и несёт она в когтях камень величиною с дом.

Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скучает, томится. И стал Младший просить брата:

– Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!»

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» — вытолкнул его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и на дворе уже было темно, как ночью. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

– Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал: «Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пушу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь. Старший вскочил и закричал:

– Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе, один, неодетый!

И он бросился во двор.

Стояла тёмная-тёмная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажёл фонарь и с фонарём обыскал все закоулки во дворе.

Брат пропал бесследно.

Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются, — подумал с тоскою Старший. — Ах, если бы всё передвинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели всё ближе и ближе; вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, и сани въехали во двор. И отец выскочил из саней. Его чёрная борода на морозе покрылась инеем и теперь была совсем белая.

Вслед за отцом из саней вышла мать с большой корзинкой в руке. И отец и мать были веселы: они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец ещё раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повёл в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший всё рассказал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло,



а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся, — сказал отец очень тихо. — Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать, плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому.

Он шёл и звал брата, шёл и звал, но никто ему не отвечал. Знакомый лес стеной стоял вокруг, но Старшему казалось, что он теперь один на свете. Деревья, конечно, живые существа, но разговаривать они не умеют и стоят на месте как вкопанные. А кроме того, зимою они спят крепким сном. И мальчику не с кем было поговорить. Он шёл по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями в лесу он казался совсем маленьким.

Вот кончился участок отца и начался участок соседнего лесничего, который приезжал в гости каждое воскресенье играть с отцом в шахматы. Кончился и его участок, и мальчик зашагал по участку лесничего, который бывал у них в гостях только раз в месяц. А потом пошли участки лесничих, которых мальчик

видел только раз в три месяца, раз в полгода, раз в год. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал всё быстрее и быстрее.

Вот уже кончились участки таких лесничих, о которых Старший только слышал, но не встречал ни разу в жизни. А потом дорожка пошла всё вверх и вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, всё горы и горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко лёгкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости: не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашёлся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой?

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон, — сказал Старший.

Он шёл час, и два, и три. Звон становился всё громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев, — высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стёкла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошёл дальше и увидел прозрачные ёлки, прозрачные берёзы, прозрачные клёны. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.



Мальчик подошёл к берёзе и отломил веточку. И пока он её разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промёрзший насквозь, превратившийся в лёд, стоит вокруг. И растёт этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали



тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчётливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик.

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно. — Дедушка Мороз — мой сын. Я проклял его: этот здоровяк слишком добродушен. Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошёл вперёд, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками.

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порылся в снегу, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щёлкнул замок, и тяжёлые ледяные ворота открылись в холме.

— Следуй за мной, — повторил старик.

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном пустом ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, а за ним ещё и ещё.

Казалось, что нет конца этим просторным, пустынным комнатам. На стенах светились круглые ледяные фонари. Над дверью в соседний зал на ледяной табличке была вырезана цифра «2».

— В моём дворце сорок девять таких залов. Следуй за мной! — приказал Прадедушка Мороз.

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперёд и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться.

Но в печке этой ледяные поленья горели чёрным пламенем. Чёрные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом.

И Прадедушка Мороз опустился на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

— Садись рядом, помёрзнем, — предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А старик уселся поудобнее и мёрз, мёрз, мёрз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжёг их ледяными спичками.

— Ну, а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, — сказал он мальчику. — Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедушка Мороз продолжал отчётливо и гладко:

— Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут! — воскликнул Старший жалобно.

— Ты. Останешься. Здесь. Навеки, — повторил Прадедушка Мороз.

Он подошёл к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, — сказал старик.

— Они мёртвые? — спросил мальчик.

— Я успокоил их, но не совсем, — ответил Прадедушка Мороз. — Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никогда не убежишь! — ответил Прадедушка Мороз твёрдо. — Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что он удержит тебя здесь. А впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали. Ему казалось, что



птица ещё дышит. Но старик, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели, как снег. Потом вся она стала твёрдой как камень. А когда она сделалась прозрачной, как стекло, старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедушка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

— Руки у тебя не замёрзли?

— Нет, — ответил он.

— Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — сказал старик. — Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Тебя. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедушка Мороз, взяв мешок, ушёл в глубину дворца, и мальчик остался один.

Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам.

И Прадедушка Мороз вернулся с пустым мешком.

— Пришло время удалиться ко сну, — сказал Прадедушка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

Прошло две-три минуты, и мальчику показалось, что кто-то заводит карманные часы. Но он понял вскоре, что это тихонько храпит во сне Прадедушка Мороз.

Утром старик разбудил его.

— Отправляйся в кладовую, — сказал он. — Двери в неё находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять.

И мальчик пошёл в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принёс на ледяном блюде завтрак номер один.

И котлеты, и чай, и хлеб — всё было ледяное, и всё это надо было грызть или сосать, как леденцы.

— Я удалюсь на промысел, — сказал Прадедущка Мороз, окончив завтрак. — Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедущка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался наконец до сорок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49».

Последний зал был заперт наглухо.

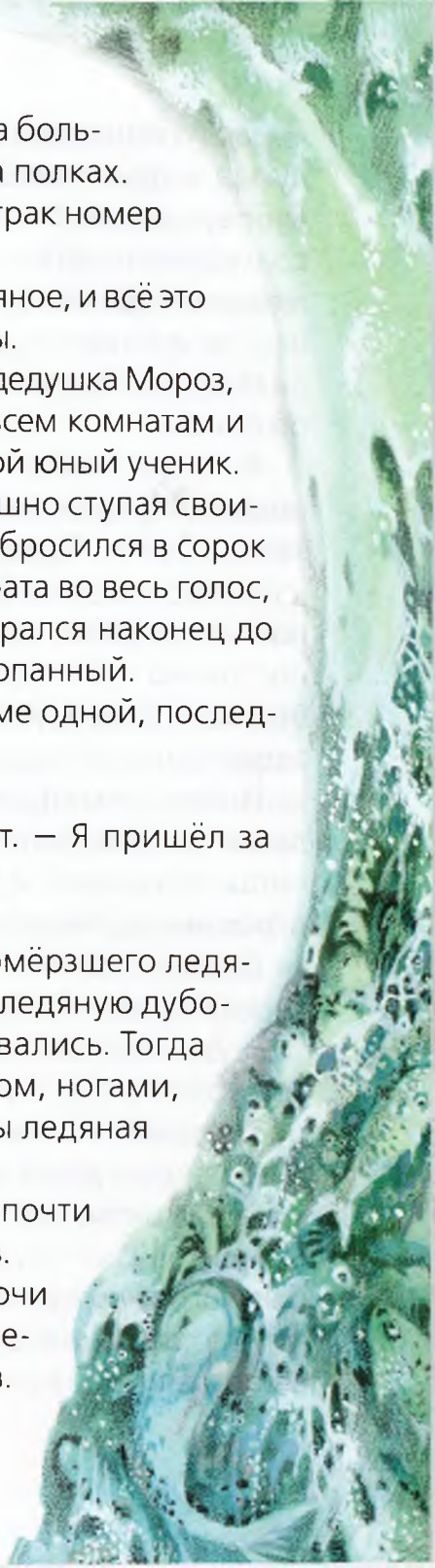
— Младший! — крикнул старший брат. — Я пришёл за тобой. Ты здесь?

«Ты здесь?» — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промёрзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошёл Прадедущка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнём несчастных замёрзших птиц, белок и зайцев.



Так и пошли дни за днями. И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую. Он ворочал мешки с замороженной капустой, с замороженным зерном, с замороженными орехами, надеясь найти топор. И он нашёл его наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал и наяву, и во сне всё об одном, всё об одном.

А старик хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лёд птицы, зайцы, белки, Прадедушка Мороз говорил:

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедушка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы.

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

— Ах, как тихо, как прекрасно было тогда жить на белом холодном свете! — рассказывал он, и его ледяные усы и борода звенели тихонько. — Я был тогда молод и полон сил. Куда исчезли мои дорогие друзья — спокойные, солидные, гигантские мамонты! Как я любил беседовать с ними! Правда, язык мамонтов был труден. У этих огромных животных и слова были огромные, необычайно длинные. Чтобы произнести одно только слово на языке мамонтов, нужно было потратить двое, а иногда и трое суток. Но. Нам. Некуда. Было. Спешить.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте, как бешеный.

— Что значит твоё нелепое поведение? — спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости.

Когда думаешь всё об одном и об одном, то непременно в конце концов придумаешь, что делать.

Спички!

Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедушка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и верёвку и выбежал из дворца.

Старик пошёл налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров.

У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костёр. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот наконец вся она покрылась мелкими ледяными капельками. И когда костёр погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором.

Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнём сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедущка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костёр разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. — погоди, Прадедущка Мороз! Мы ещё поживём!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые доми-



ки в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устлал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно, зато потом, у костра, и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своём брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принёс вязанку дров, развёл костёр и уселся у огня. Но никто из его друзей не вышел из своих снеговых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» — но тяжёлая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, неслышно ступая своими белоснежными валенками. Он дунул на костёр, и поленья стали прозрачными, а пламя чёрным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такою, как много дней назад.

— Ещё. Раз. Попадёшься. Заморожу! — сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снегу своей шубы.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мягкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза.

Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почувяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на вырубку к своему другу.



Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там.

И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и подбежали к мальчику.

И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей.

И мальчик всё понял. С ключами в руках он бросился к сорок девятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашёл ключ с цифрой «49». Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головой. И вот он нашёл что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твёрдыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырёхугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась.

А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щёлкнул, и упрямая дверь открылась наконец со звоном.

И мальчик, дрожа, вошёл в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слёзы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слёзы на щеках — всё было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:



— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждёт! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом.

Прадедушка Мороз по-прежнему крепко спал. И они благополучно выбрались из дворца.

Солнце только что встало. Ледяные деревья сверкали так, что больно было смотреть.

Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И вдруг громкий крик раздался позади.

Прадедушка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодеют ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слёзы его блестели на солнце.

— Остановись! — приказал старик.

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой тёплой шубой. И Старший ожил и побежал вперёд, осторожно глядя под ноги, изо всех сил оберегая младшего брата.

Старик приближался, а мальчик не смел бежать быстрее: ледяная земля была такая скользкая. И вот когда он уже думал, что погиб, зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедушка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы ещё раз свалили его на землю. Они делали это, дрожа от страха,

но надо же было спасти лучшего своего друга. И когда Прадедушка Мороз поднялся в последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедушка Мороз заплакал от злости.

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

— Смотри — подснежник! — крикнул Старший радостно.

Но Младший не ответил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

— Ничего. Отец всё умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное, оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь всё-таки брата он нашёл.

Вот кончились участки лесничих, о которых мальчик только слышал, и замелькали участки знакомых, которых мальчик видел раз в год, раз в полгода, раз в три месяца. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умеют, но и они шумели радостно: ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся.

На дне ямки, под старым клёном, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший тёмный снег.

И Старший упал.

И бедный Младший ударился о корень дерева.

И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки.

Сразу тихо-тихо стало в лесу.

И из снега вдруг негромко раздался знакомый тоненький голос:

— Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдёшь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал ещё ни разу в жизни. Нет, ему нечем было утешиться, не на чем было успокоиться.

Он плакал и плакал, пока не уснул с горя как убитый.

А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочки за кусочком своими цепкими лапками и склеили берёзовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой тёплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слёзы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали тёплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали чёрными. И прядь волос у него на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз и другой и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

А тот открыл глаза и спросил как ни в чём не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой.

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня, — сказала мать.



— Обрадовались теплу, — ответил отец.
— Белки прыгают с ветки на ветку, — сказала мать.
— И они тоже рады весне, — ответил отец.
— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.
— Нет, — ответил отец. — А что случилось?
— Кто-то бежит сюда!
— Нет! — повторил отец печально. — Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит. Но мать была уже во дворе и звала:
— Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.

Родители бросились им навстречу.

И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.

Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем чёрной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять.

С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но всё-таки бывает.

И с тех пор они жили счастливо.

Правда, Старший говорил изредка брату:

— Оставь меня в покое. — Но сейчас же добавлял: — Ненадолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.





Новые приключения
Кота в сапогах

3

Сказка о потерянном
времени

25

Два брата

39

Литературно-художественное издание
для СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Серия «Детская библиотека РОСМЭН»

Шварц Евгений Львович

СКАЗКИ

Художник Е. БОРИСОВА

Дизайн обложки Т. А. САВВУШКИНА

Ответственный редактор С. В. РАХМАНОВА

Художественный редактор О. В. КУЛИКОВА

Технический редактор А. М. ЖДАНОВА

Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Верстка О. В. СИРОТИНОЙ

Подписано к печати 15.03.13. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68.
ID 12428. Доп. тираж 7 000 экз. Заказ № 7056

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес: 127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 4, стр. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

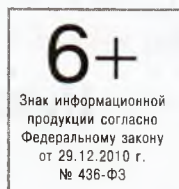
Юридический адрес: 129626, Москва, ул. Новоалексеевская, д. 16, стр. 7.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: апрель 2013 г.

Отпечатано в России.



ЕАС

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru



Шварц Е. Л.

ШЗЗ Сказки / Е. Л. Шварц. — М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2013. — 64 с.: ил. —
(Детская библиотека РОСМЭН).

В книгу вошли наиболее известные сказки Евгения Шварца «Сказка о потерянном времени», «Новые приключения Кота в сапогах» и «Два брата». Это удивительные, необычные сказки, в которых автор ставит глубокие нравственные вопросы и, отвечая на них, стремится как можно глубже затронуть душу юного читателя, заставить его сопереживать герою.

ISBN 978-5-353-05299-9

УДК 82-34-93

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Шварц Е. Л., наследники, текст, 2011

© Состав, иллюстрации, оформление.

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2011



ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОСМЭН



Величайшее сокровище — хорошая
библиотека.

В. Белинский

Хорошая книга — лучший друг.

Русская пословица



ISBN 978-5-353-05299-9



9 785353 052999